

Очень глупо устроено на свете: назовут тебя как вздумается, и кончено, — так и оставайся с этим именем на всю жизнь. Лучше бы никак не называли, пока не подрастешь и сама не выберешь себе имени по календарю. Есть столько красивых имен на свете: Маргарита, Людмила, Елена. А вот придумали же — Евой назвали. «Ева Кюн».

Ну, да с именем еще можно примириться. Ведь прелестную девочку из «Хижины дяди Тома» тоже звали Евой. Но вот с тем, что волосы рыжие, — примириться никак нельзя.

Когда Еву показывают гостям, дамы ахают:

— Рыженькая! И не в папу, и не в маму. Удивительно! Кто-нибудь да был рыженький в роду. Может быть, бабушка? Может быть, дедушка?

— Нет, — говорит папа, — ни одного рыжего, как мне помнится. Так просто, злая шутка природы.

Папа очень хотел мальчика. Ева знает об этом. Каждый раз, когда папа со злостью взглянет на Еву, Ева догадывается, о чем папа думает: «Вот, вместо сына девчонка растет в моем доме. Да еще рыжая девчонка. Совсем нехорошо!»

И никто не любит рыжих.

Когда из гимназии Ева идет домой через Пушкинский сад, мальчишки городского училища кричат ей вслед:

Рыжий, красный!
Черт опасный!

И кидают в Еву снежками. Снежки, крепко скатанные в руках, твердые будто камни. Ева бежит через Пушкинский сад без оглядки, закрывает лицо руками: не беда, если в спину попадут, только бы не вышибли глаз!

В классе Еву тоже дразнят. Больше всего дразнят две подруги — Смагина и Козлова. Надя Смагина — первая красавица в классе. Глаза у нее синие, с черными ресницами. Она всегда чуть-чуть щурится, чтобы ресницы виднее были.

На перемене, когда девочки соберутся кучкой, она подходит к ним и говорит очень громко:

— О чем это вы здесь? Что вы мне не расскажете? Что я, рыжая?

Однажды на уроке истории учительница рассказала про рыжебородого Фридриха Барбароссу. Все время Смагина с Козловой оглядывались на Еву. А когда урок кончился, Козлова поднялась со скамьи — худая, бледная, губы красные, оттопыренные — и говорит:

— Девочки! Знаете что? Предком Евы Кюн был Фридрих Барбаросса. Ева тоже важная, тоже рыжая. Будем звать Еву «Барбароссой»!

Все девочки смотрят на Еву и ждут, что Ева ответит. Надя Смагина спряталась за спину Козловой и заливается смехом.

Ева тоже поднялась со скамьи и говорит спокойно:

— А твой предок был козел! И фамилия у тебя Козлова, и ноги у тебя козлиные.

Хохот в классе. Ева одержала верх.

Один раз Жужелица, классная наставница, наказала Еву за то, что она на истории смеялась, и оставила ее без обеда:

— Большая девочка, а за уроком вести себя не умеешь. Останешься в классе до четырех часов.

А Ева и рада. Не беда, что ей придется целый час высидеть в пустом классе, зато можно будет спокойно идти домой через Пушкинский сад. После четырех в Пушкинском саду нет ни одного ученика из городского училища — их в три распускают, после четырех все они уже сидят по домам.

Большой Пушкинский сад в инее, в снегу, весь белый. Ева идет по самой главной дорожке в своем синем кафтанчике с серым беличьим воротником, в серой беличьей шапочке набекрень. В руках книжки, стянутые ремешком.

На соборе пробили часы. Четверть пятого. Точно маленький человечек в часах ударил молотком по трем звонким пластинкам.

И у каждой пластинки свой звук: дин-дон-дан.

Часы сказали: обед давно простыл. Ну и пусть простыл! Еве домой не хочется. Ева останавливается у каждой березки и трясет ветки, чтоб иней сыпался в лицо.

Вдруг на главную дорожку выходят двое — два мальчика. На них черные шинели с оранжевыми кантами.

Это — реалисты: у мальчишек из городского училища канты на шинелях голубые.

Мальчики идут прямо навстречу Еве. Один — большой, другой — маленький. Воротники подняты, форменные фуражки надвинуты на нос, на груди в два ряда медные пуговицы.

Ева смотрит, куда бы свернуть. Некуда свернуть: дорожка одна, а кругом снега по колено.

Поравнялись. У большого — лицо белое, а глаза темные и темные брови срослись на переносице. У маленького лицо оспой изрыто, нос красный. Оба пристально смотрят на Еву.

— Рыжая! — крикнул маленький и прыснул со смеху.

Ева проходит мимо, не поднимая глаз.

И вдруг маленький как двинет Еву плечом, Ева беспомощно взмахнула книжками и села в рыхлый снег.

Мальчики остановились. Маленький хохочет во все горло. А большой к Еве шагнул.

И вдруг Ева вскочила, размахнулась, — треснула со всей силы большого книжками по лицу и — бегом.

Отбежала подальше и оглянулась: большой стоит, руку приложил к щеке, а маленький нагнулся и торопливо мнет в руках снег.

— Рыжая ведьма! — крикнул маленький и запустил в Еву снежным комом.

Что есть духу Ева бросилась бежать. Кажется, вот-вот нагонят ее мальчишки и насмерть забьют снежками...

Красная, тяжело дыша, Ева примчалась домой.

— Почему я рыжая? Все смеются надо мной! — хнычет Ева, сидя на скамейке у бабушкиных ног.

— Плюнь, дураки смеются, — бурчит бабушка.

Невнятно говорит бабушка — точно пуговицу в рот взяла. С тех пор как ее хватил удар, у нее отнялась правая рука и правая нога, и с языком случилось что-то.

Чужой ни за что бабушку сразу не поймет. А Ева понимает отлично: Ева привыкла.

— Вот в Париже женщины вылезают на крыши и нарочно сидят на солнце с распущенными волосами, — говорит бабушка.

— Зачем это? — удивляется Ева.

— Чтобы порыжеть. Это даже считается красивым.

Ева смеется...

— А ну, — говорит бабушка, — загляни-ка в шкаф.

Шкаф у бабушки дубовый. Карниз с резьбой, дверца тяжелая, скрипит. Распахнешь дверцу, и сразу в комнате запахнет цветами. Это оттого, что бабушка чистое белье в шкафу перекладывает конвертами с душистым порошком.

Ева очень любит заглядывать в шкаф. Раз Ева проговорила: хорошо бы аршин голубой ленточки кукле на чепчик. На другой день заглянула в шкаф, а на белье целый, не начатый моток голубой шелковой ленты лежит, как в магазине.

Никогда бабушка зря не скажет: «Загляни-ка в шкаф». И на этот раз тоже — Ева открыла дверцу и видит: на полке огромная жестяная банка с наклейкой: «МОНПАНСЬЕ». Тоже как в магазине. Приказчик из такой банки отсыпает покупателям в бумажные кульки фунт или полфунта. А тут запускай обе руки в банку и ешь вволю.

Ева любит сидеть у бабушки в комнате, только старается на окно не смотреть. На окне — стеклянная банка, и в ней пиявки — черные, живые, так и извиваются в воде. Бабушка время от времени ставит себе пиявки, чтобы они от больной неподвижной руки отсосали дурную кровь. Как она это делает, Ева не

знает. Ева тогда убегает из бабушкиной комнаты. Но сегодня бабушка не собирается ставить себе пиявки.

Ева пристроилась у бабушкиных ног и набила полный рот монпансье.

И вдруг звонок в передней. Твердый, властный — три раза.

Ева подмигнула бабушке:

— Папа!

И на цыпочках выскользнула из комнаты.

Папа не любит бабушку и называет ее бабой-ягой. Больше всего он сердится на бабушку за то, что она курит. Один раз папа сказал бабушке:

— Пожалуйста, не курите в столовой! Не заставляйте всех из-за вашей дурной привычки дышать табачным дымом и портить здоровье.

Бабушка ничего не ответила, только ртом пошамкала. И уж больше в столовой не курила. Потом папа запретил ей курить в гостиной, потом в передней.

Осталось одно — курить в своей комнате, плотно закрыв двери. В бабушкиной комнате табачный дым стелется сизым облаком.

В другой раз за обедом папа долго смотрел на бабушку и наконец сказал:

— Не обжирайтесь так! Второй удар хватит!

У бабушки перекосилось лицо. Она отшатнулась от тарелки и до конца обеда больше не съела ни куска. На другой день бабушка за обедом ничего не ела. На третий день тоже ни к чему не притронулась.

— Надоела мне ваша демонстрация, — сказал папа. — Не желаете есть, пожалуйста, не выходите к столу.

С тех пор бабушка не выходит к столу. Настя носит ей в комнату завтрак, обед и ужин.

Но самое неприятное случилось из-за Евы.

Раньше Ева целые дни была с бабушкой — и спала у бабушки, и учила уроки. И вдруг папа решил Еву изгнать. Явился и говорит:

— У Евы будет отдельная комната. От вашего курения Ева получит малокровие. Собирай свои манатки, Ева, и вытряхивайся, а если к бабушке будешь заходить, засиживаться не смей.

Бабушка поднялась с кресла во весь рост. Большая, страшная, седые волосы точно коронка над выпуклым лбом. Схватила палку левой рукой и как треснет в пол.

— Змей проклятый! — зашипела бабушка. — Издеваться над старухой! Съем свои деньги, никому не оставлю ни шиша.

Папа скорее прочь из комнаты.

— Я вас упрячу в сумасшедший дом! — крикнул он через дверь.

Бабушка рухнула в кресло и расплакалась.

У бабушки в шкафу, в нижнем ящике, хранятся бумажные деньги и облигации государственного займа.

Ева представила себе, как бабушка доберется до шкафа, выдвинет ящик и начнет с яростью есть деньги.

Пусть съест! Еве денег не жалко. Бабушку жалко. Когда папы нет дома, Ева сразу прокрадывается в комнату к бабушке, а чуть услышит его звонок, — скорей бежит к себе.

Большая соборная площадь вся в снегу. На крестах белокаменного собора черными точками сидят вороны. Если пройти через площадь, а потом по

Нагорной улице, попадешь в Пушкинский сад. А за садом огромное красное здание гимназии.

Ева идет через площадь по тропинке, с ночи запорошенной чистым снегом. То и дело она останавливается и разглядывает на снегу свои следы. Какие маленькие, какие смешные!

А вот на снегу еще чьи-то следы, куда меньше, куда смешнее. Должно быть, ворона проскакала. Вороньи лапки.

Ева оглянулась на большие черные стрелки соборных часов. Надо спешить. Но Ева не прибавила шагу.

Когда идешь медленно-медленно, очень хорошо выдумывать. Ева шепотом сочиняет стишки:

Четвертый класс большой,
В нем много учениц,
И толстых, как кадушек,
И тонких, точно спиц...

Складно выходит! А дальше еще лучше:

Кто плюнет безмятежно
На двойки и колы?
Шпаргалки шлет прилежно?
Бой Талька — это ты!

А теперь еще нужно придумать про Симонику. А потом про Смагину с Козловой.

Ева до них доберется! И такое придумает про них, что они от злости лопнут.

Но Ева ничего не придумала. И на урок опоздала. Тишина в коридорах. Двери в классах заперты. Первый урок начался.

Ева на цыпочках поднялась по белой лестнице во второй этаж. Пожалуй, сейчас лучше не входить в класс. Лучше улизнуть в уборную и дождаться перемыны. Может быть, Жужелица и не заметит.

Вдруг дверь четвертого класса приоткрылась.

Жужелица!.. Вышла... И идет по коридору, как тень, мягко ступая в прюнелевых ботинках.

Ева вздрогнула и чуть не выронила книги.

Жужелица подходит к ней и шепотом:

— Не в первый раз! В десятый раз! Доложу начальнице. Марш в класс, бесстыдница!

Ева шмыгнула в класс и вдоль стенки пробралась к своей парте у окна.

У стола учитель, маленький, сутулый, желтый, всклокоченный, как озябшая птица. Недаром девочки прозвали его «Чиж».

Чиж покосился одним глазом на Еву, хмыкнул и уткнулся в журнал.

За спиной Чижа выстроились две большие черные доски. Чиж вызывает сразу четырех девочек. Две доказывают теоремы перед классом, а две — по другую сторону досок — раздумывают и чертят.

А потом доски поворачивают, и вторая пара отвечает перед классом урок.

Вдруг из-за черной доски высунулась голова Тальки Бой — светлая, гладкая, с пробором. Талька хмурит брови, морщит лоб, отчаянно трясет головой.

Весь класс сразу понял, что Талька Бой не знает теоремы.

Подруга Тальки Бой, толстая Варька Симониха, беспокойно заерзала на задней парте, потом вырвала из тетради листок, что-то написала и сунула под партой соседке.

Ева сидит, подперев подбородок рукой. И вдруг тумак в спину — ей суют записку от Симонихи:

«Теорема Пифагора. Ева, спасай Тальку!

Варька».

Пифагорова теорема очень трудная теорема. «Сумма площадей квадратов, построенных на катетах прямоугольного треугольника...» — а дальше и не припомнишь. Ева закусилла карандаш, схватила учебник, перелистывает, — только страницы мелькают. Вот она, Пифагорова теорема. Ева быстро списывает на бумажку. Тальку Бой необходимо спасти. Талька Бой спасает всех без разбора. Подсказывает пальцами, глазами, губами. Очень понятно подсказывает. И шепот у нее отчетливый.

Все девочки, когда шепчут, непременно кулак ко рту прижимают, глаза у них бегают, все лицо как-то перекашивается. А Талька Бой и рта рукой не прикроет и бровью не поведет, а кому нужно, тот все услышит.

Ева зажала бумажку в кулак и просит Чижа:

— Разрешите выйти!

Кивнул.

Ева прошла за досками. Талька стоит за доской и с досады кусает ногти. Ева дотронулась до Талькиной руки — и бумажка у Тальки. Талька сразу схватилась за мел, быстро застучала по доске.

Ева рада. У самой двери она даже подпрыгнула, потом присела и показала Чижу в спину длиннейший нос.

А девочки делают ей страшные глаза и чуть заметно на дверь показывают. Ева оглянулась.

Через стекло из коридора смотрит на Еву в упор высокая дама. Волосы у нее темные, с проседью,

густые брови срослись, нос большой. И на носу пенсне с черным шнурочком.

Начальница!

Ева даже выйти не посмела и тихонько побрела на место.

Доски повернули. На Талькиной доске огромный чертеж, точно ветряная мельница с распяленными крыльями: «И кто это придумал, что Пифагорова теорема похожа на штаны? — думает Ева. — Уж верно, мальчишки. Вот на мельницу похоже, это да».

Но вот наконец звонок. Сначала далекий, потом затрещал, все громче и громче переливаясь в пустом коридоре. Это бородастый швейцар, взбегая по лестнице с медным колокольчиком в руке, звонит, чтобы на все три этажа было слышно.

Девочки разом завозились на партах. Чиж отпустил Тальку кивком головы и чертит в журнале прямой угол и палочку, значит — 4.

И вдруг дверь распахнулась, и в класс не вошла, а влетела Жужелица.

Девочки притихли.

Жужелица прямо к Чижу. Наклонилась над журналом и тычет пальцем в четверку Тальки Бой.

— Фальшь! — визгливо кричит Жужелица. — Единицу! Четыре вычеркнуть, поставить единицу!

А потом повернулась к Еве и говорит:

— А ты, Кюн, на большой перемене к начальнице в кабинет пойдешь!

Девочки толпой хлынули из класса в коридор. Ева хотела было подойти к Тальке Бой, но Козлова и Надя Смагина оттерли ее и подхватили Тальку с двух сторон под руки.

— Как ужасно! Как ужасно! — лепечет Козлова. — Уж если рыжая вяжется...

— Вот уж медвежья услуга, — говорит Надя Смагина на и презрительно кривит губы.

И вдруг Талька Бой вывернулась от них, повернула к Еве румяное лицо и как хлопнет ее по плечу!

— Друг! — крикнула Талька Бой. — Не горюй!

Кабинет начальницы во втором этаже, прямо напротив лестницы. Желтая дверь внутри плотно завешена тяжелой портьерой. Учителя входят сюда только по делу и робко стучат. А девочки никогда не входят.

Когда на большой перемене Жужелица повела Еву по коридору к начальнице в кабинет, девочки смотрели на Еву во все глаза.

Ева вышла из кабинета начальницы растерянная. Во-первых, в табели за поведение — три. Еще ни у одной девочки в гимназии не было за поведение тройки. Четыре бывало редко-редко, но три — никогда. Всегда у всех — пять, пять, пять.

Счастье еще, что табель подписывает бабушка, а не папа.

Во-вторых, Ева не должна ходить ни в кинематограф, ни на вечеринки, ни на каток — никуда, пока не исправится.

А в-третьих, если еще раз Ева в чем-нибудь попадетсЯ, ее исключат. Так и сказала начальница: «исключат».

И еще сказала:

— Ваша репутация испорчена!

Что за странное слово «репутация»? И вообще странно. Кажется, ничего уж такого особенного не

случилось. А как начальница начала пробираться, — без крика, таким ровным, холодным голосом, и лицо у нее холодное, неподвижное, только на носу вздрагивает пенсне, — так Еве стало казаться, что она страшное преступление совершила.

Под конец начальница прицепилась к волосам. Все девочки гладко и скромно причесаны, а у Евы волосы во все стороны торчат. Но что же делать Еве с волосами, если густые они и сухие: чуть шевельнешь головой — они и взлетают. У других незаметно, а она рыжая — вот и заметно.

Всегда все тычут пальцами в Евины волосы. До самой смерти, кажется, не оставят рыжую девочку в покое.

В этот день из гимназии Ева пошла домой по другой дороге. Ева решила никогда больше не ходить через Пушкинский сад. Мальчишки, с которыми она дралась, наверное, караулят в саду, чтобы ей отомстить. Ева делает крюк по Дачной улице. Это тихая улица, дома прячутся за заборами в чаще высоких мохнатых пихт. Дачная улица оживляется только вечером, после семи, — городская молодежь собирается здесь на гулянье. Ходят медленно, по двое, по трое, а то и целыми группами взад и вперед. А днем — ни души.

Ева идет хмурая, зажав книги под мышкой, и палочкой ведет по заборам. Треск раздаётся на всю Дачную улицу.

Чуть ли не вдоль всей Дачной тянутся деревянные заборы, и вдруг попалась Еве железная ограда. Пышно разросся за оградой молодой ельник, засыпанный

снежком. Дом двухэтажный, с террасой из разноцветного стекла.

Ева даже остановилась. Если из террасы в красное стекло смотреть, то снег будет красный, как от пожара. Дивно!

Вдруг калитка скрипнула. Вышел мальчик. Черная шинель, оранжевый кант, все медные пуговицы аккуратно застегнуты. воротник поднят, шея обмотана теплым шарфом.

Ева заглянула ему в лицо и обомлела — лицо белое, а на переносице срослись темные брови. Это тот самый, которого она треснула книжками. Нечаянная встреча! Ведь подумать только — три версты сделала лишних, чтобы с ним не встретиться, а вот столкнулась нос к носу.

Ева прошмыгнула мимо. Вот сейчас он ей покажет! Оглянулась — а мальчик ничего, стоит у калитки и с любопытством смотрит ей вслед.

«Верно, он здесь живет, — подумала Ева. — Как же мне теперь быть? Через Пушкинский сад ходить нельзя, по Дачной нельзя. А других дорог и нету».

У всех девочек есть знакомые реалисты. В каждую кто-нибудь влюблен. В подругу Евы, Нину Куликову, влюбился толстый Вольф, сын хозяина большой кондитерской на главной улице.

Вечером девочки и мальчики большой веселой компанией бегают на лыжах в лесу с фонариками в руках. Еве очень хотелось бы побегать вечером на лыжах с фонариком в руке. Но одна не побежишь. А знакомых реалистов у Евы нет. Папа запрещает Еве знакомиться.

Но все-таки и у Евы есть что-то интересное. Ева теперь ходит из гимназии домой по Дачной улице. И каждый раз, когда она идет мимо дома в ельнике, из калитки выходит мальчик, чтобы на нее посмотреть.

Ева смущается, волнуется и смеется.

«Ах, это он нарочно меня встречает».

Дома Ева просит бабушку:

— Погадай мне на картах.

— Погоди, — отвечает бабушка, — погоди до пятницы. Карты говорят правду только с пятницы на субботу.

Бабушка твердо в этом уверена. Приходится ждать.

Еще бабушка уверена, что косу нужно подстригать в новолуние, чтобы волосы не секлись. А брови, чтобы росли густыми, нужно натирать церковной свечкой.

В пятницу вечером — на столе под лампой — бабушка левой рукой кидает карты.

Звездой легли карты, а в середине бубновая дама. Ева знает, что бубновая дама — это она. Веселая дама, в руке лилия, а сама как будто улыбается.

— Смотри, — говорит бабушка, — в головах у тебя восьмерка червей. Ты знаешь, что это значит? Это значит — тебя ждет радость.

— Как хорошо! Наверное, пятерка по русской письменной. А где туз пик?

— Туз пик не выпал, — говорит бабушка.

— Слава богу. Туз пик значит удар в сердце. Это я запомнила. Если туз пик выпадет, непременно будет единица.

— Эге, — смеется бабушка, — эге, что я вижу?

— Что ты видишь?

— Король трэф рядышком с тобой. С интересом к тебе и сердечно.

— Кто же это может быть — король треф?

— Молодой человек, темноволосый.

Ева покраснела.

— Нет такого, — вздохнула Ева, — одного знаю темноволосого — но чтобы с интересом ко мне и сердечно, про это не знаю.

— Ты можешь не знать. Он не говорит. Он таит в душе, а карты открывают.

— Ну, тогда, значит, он и есть король треф! — воскликнула Ева. — Ты хорошо умеешь гадать. Только разве можно влюбиться в рыжую?

— Можно, — усмехается бабушка, — можно полюбить всем сердцем.

Бабушка думает, что по картам она все может узнать. Но почему-то про большую беду в доме она по картам не узнала. Как снег на голову, обрушилась беда.

Один раз Ева пришла из гимназии и видит — Настя стоит у плиты и кончиком головного платка утирает слезы.

— Ты что? — спрашивает Ева.

— Беги, — говорит Настя, — беги к бабушке.

Ева с тревогой бежит к бабушке. Распахнула дверь. Бабушка стоит посередине комнаты, опираясь на палку. Кругом все раскидано. Сундук раскрыт, дубовый шкаф нараспашку. Груды белья, юбки, кофты, коробочки, баночки из шкафа вывалились на пол. И шляпа на полу. Старомодная бабушкина шляпа — как воронье гнездо.

— Ева, — сказала бабушка, — я уезжаю.

Ева побледнела и ни шагу от дверей.

Прошлой осенью вот так же все было раскидано. Тоже раскрыт сундук. Мама Евы, маленькая, черненькая, плакала и бросала вещи в сундук.

Еве не верилось, что мама уедет.

И прежде, бывало, мама поплачет, упакует сундук, но не уедет. И сундук распаковывают.

Мама долго не могла решиться — ей казалось, одной никак невозможно жить. Но нынче осенью мама вдруг уехала, — должно быть, навсегда. Теперь уезжает и бабушка.

И что это за дом, в котором никто не хочет жить?

— Выжил, — зашипела бабушка, — выжил. Лучше в стужу такую сто верст на конях проскачу, замерзну где-нибудь в поле, но не останусь. Дня лишнего не останусь!

— Куда же ты хочешь ехать?

— В Петербург.

— А мне можно с тобой?

— Спроси у варвара, — сказала бабушка, — ему никто не нужен. Может быть, отпустит.

Ева идет. Подошла к запертым дверям кабинета и остановилась.

«Ах, как это, — думает Ева, — взять и сразу уехать? А гимназия? Гимназию оставить жаль. И Нину Куликову оставить жаль. И очень жаль оставить короля трэф. Король трэф никогда больше не будет ожидать у калитки».

Ева тяжело вздохнула. Нет, нужно ехать с бабушкой. Нельзя старуху оставить одну.

Ева постучалась в дверь.

Ева всегда с робостью входит в кабинет отца. В кабинете большой письменный стол под зеленым сукном. Тяжелая чернильница, тяжелое пресс-папье. И кипа важных бумаг. Протоколы.

А в углу кабинета, прямо на полу, всегда беспорядочная куча: какие-то книги, чужие письма, чужие фотографические карточки.

Это все папа отобрал при обысках. Пересмотрел, прочел и сгрел в одну кучу. Папа следит, чтобы никто не шел против царя. В уезд по заводам ездит делать обыски, отбирает запрещенные книги, сажает политических в тюрьму.

Папа в расстегнутом сюртуке. Роемся на столе в бумагах.

— Что тебе? — спросил папа с раздражением.

Лицо у него серое, глаза бесцветные, как мутная вода, веки воспаленные. Когда Ева с папой, ей всегда как-то неловко, она мнетя, теребит кончик черного передника.

Давно, когда Ева была маленькой, папа побил ее няньку. Нянька сама была еще совсем девочка, худенькая, с косичкой, как крысиный хвостик. Один раз она взяла без спросу сахарного барашка. Папа как даст ей тяжелым кулаком по лицу. Еву затрясло от ужаса. И с тех пор Ева боится папу. И все папу боятся. Каждый день к папе приходит писарь с бумагами под мышкой. В кабинет он входит на цыпочках, чтобы не скрипели сапоги. Папа и его один раз по лицу ударил.

Еву он тоже ударит когда-нибудь. Непременно ударит.

— Позволь мне с бабушкой уехать, — говорит Ева.

— Что, — взревел папа, — с бабушкой? Ах ты, дрянь!

И треснул кулаком по столу. Лампа задрожала, блестящая медная крышка на чернильнице задрожала. И вдруг сорвалась медная крышка с чернильницы и покатила по полу со звоном.

Ева съежилась, точно от боли.

— Родного отца готова бросить из-за сладких подачек сумасшедшей старухи? Неблагодарная! Не